

Содержание

Яков Бутков	
Новый год. <i>Вчерашняя история</i>	9
Всеволод Соловьев	
Во сне и наяву. <i>Святочные рассказы</i>	54
Всеволод Соловьев	
Приключение моего доктора	75
Константин Носилов	
Рождество в Иерусалиме	106
Константин Станюкович	
Елка для взрослых.	115
Надежда Худекова	
Три царя.	130

Михаил Первухин
Елка 138

Сергей Ауслендер
Ночной принц. *Романтическая повесть* 153

Владимир Ленский
Маскарад 203

Вячеслав Фаусек
Горемычный Митя. *Святочный рассказ* 210

Леонид Черский
Старый учитель. *Новогодний рассказ* 224

Екатерина Цертелева
Кровавые призраки 228

Николай Недоброво
Душа в маске. *Повесть* 237

Константин Тренев	
Святки	269

П. Урюпинский	
Маски	279

Владимир Ладыженский	
Сочельник	293

Петр Львов-Марсианин	
Дед и внук	302

Яков Бутков¹
(1820–1856)

Новый год
Вчерашняя история

I. Встречи

Тридцать первого декабря, в полдень, кандидат Зарницын возвращался своим привычным путем из Малой Миллионной в Среднюю Мещанскую. Впрочем, он был совершенно уверен, что ежедневные должностные хождения его по этому пути кончились благополучно и что жизнь его должна принять с наступающего нового года новое направление, но какое направление, по каким улицам и переулкам, в какую часть Петербурга придется ему ходить «впредь» неуклонно и ежедневно, исключая праздничные и табельные дни, и не случится ли с ним такая история, часто случающаяся с петербургскими пролетариями, что вовсе некуда будет ему ходить, что

.....
¹ Яков Петрович Бутков (1820–1856) — русский писатель, один из ярких представителей «натуральной школы».

не будет никакой существенной цели для его хождения и человечество не станет осведомляться и заботиться о том, рано ли проснулся кандидат Зарницын, ушел ли он куда ему следует из своей темной каморки или еще почивать изволит?

Предложив себе эти вопросы, кандидат Зарницын разрешил их не вполне, не к совершенному своему удовольствию и даже сознался, что «будущность», которая наступит для него с той роковой минуты, когда он возвратится в свою квартиру пред грозные очи негодующей хозяйки, обещает ему на первый случай жаркую схватку, из которой он, без всякого сомнения, не выйдет победителем.

Действительно, дело его было достаточно плохо: не выдержав постоянных механических занятий и страдательного существования в качестве делового человека, он объяснился по этому случаю с Борисом Александровичем и был наконец освобожден от своих обязанностей. Борис Александрович очень сожалел о его решимости отыскивать себе какие-то другие, более свойственные ему занятия, поставил ему в пример кандидата Рожкова, который таким же образом начинал свою карьеру, а теперь — человек! Впрочем, присовокупил Борис Александрович, он не считает себя вправе удерживать при себе никого, тем более человека образованного

и умного, и успокоил его насчет двадцати шести рублей серебром, забранных «вперед»: об этой сумме обещал сделать особое распоряжение. Что же касается до продолжения знакомства, то он, Борис Александрович, надеется оставаться неизменно в прежних «дружественных» отношениях к кандидату Зарницыну. После этого-то объяснения он и возвращался из Малой Миллионной; оно, вполне удовлетворив его амбиции и самосознание, лишило его возможности рассчитывать по-прежнему на первое число. А никогда ему не были так нужны рубли, как теперь. Он уже проклинал свою амбицию и неудачное, вовсе несвоевременное ее проявление. Порыв мелочной досады на неудачу в мелочных искаательствах заменился в нем прочным убеждением, что сегодня тридцать первое и последнее число декабря, а завтра еще хуже — первое число и Новый год, и всего хуже — хозяйка ждет, и в маскараде нужно быть всенепременно...

На мгновение он был обрадован надеждою на свои «уроки»: в нескольких домах он давал уроки, за которые платили ему хорошо; но вдруг вспомнил он, что всюду, где можно было получить что-нибудь «вперед», он получил давным-давно, потому что прежде тоже случались крайние нужды в деньгах. Следовательно, с этой стороны ожидать ему нечего.

Появилась было другая надежда на некоторые лишние вещи в его гардеробе и на господина Макарова, принимающего на сохранение всякую рухлядь, но и эта надежда разрушилась, когда припомнил он, что гардероб его во всей полноте поступил еще в прошлом месяце к господину Макарову, так что еще подумать надо, как ему завтра пристойным образом сделать самые необходимые визиты, а о том, чтоб сходить в маскарад, разумеется, и думать нечего.

Кандидат Зарницын, пораздумав о своем положении, решил, что если сегодня хозяйка не доведет его до сумасшествия, то все равно он рехнется завтра в роковую пору маскарада в Большом театре...

Он уже приближался к своей квартире, призывая на помощь все свое мужество и красноречие, всю свою любезность, чтоб укротить сколько-нибудь хозяйку, не принимающую в резон ничего, кроме наличных денег; но так как с каждым шагом мужество его ослабевало, приготовленное объяснение, что денег нет, казалось все меньше красноречивым, а дополнение к этому объяснению, что и достать их негде, вовсе нелюбезным, то он признал удобнейшим, во избежание могущих быть неприятностей, на этот раз вовсе не являться к хозяйке, а дожидаться где-нибудь той вожаделенной и довольно поздней поры,

когда уже нельзя ожидать опасной встречи с хозяйкою, особливо если пройти в свою комнату по черной лестнице, через кухню, а спички лежат на печке, в знакомом углу; притом же, вероятно, часов в двенадцать ночи кухарка Настя будет иметь там же, на лестнице, свидание с поваром генерала, живущего внизу... Если все это случится по ожиданию, то дверь будет отперта и он пройдет неслышно и незаметно для хозяйки.

Признав эту меру полезнейшею в своем положении, он миновал свою квартиру с решительным намерением не показываться на глаза своей хозяйке раньше будущего тысяча восемьсот сорок такого-то года. Он прошел несколько улиц, проклиная свое злосчастное положение и находя нестерпимо глупыми все встречавшиеся ему лица, озабоченные праздничными хлопотами. Мысль о хозяйке и маскараде долго не выходила у него из головы; наконец голод и холод стали одолевать его, он почувствовал настоятельную необходимость зайти в какой-нибудь трактир отогреться и пообедать — только затруднялся в выборе трактира. Не то чтоб он был очень разборчив в качестве кушанья или особ, с которыми придется ему сидеть в компании, — нет, покушать он готов был теперь что-нибудь, а насчет особ был уверен, что облагораживает своим присутствием всякую компанию. Его смущало другое, весьма

важное для него обстоятельство: во всех кухмистерских и трактирах, мимо которых проходил он, замерзший и голодный, он был должен — до такой гадкой степени должен, что лучше было замерзнуть на улице от холода или умереть от голода, нежели зайти в эти заведения, чтоб отдать-ся безответной жертвой в руки раздраженных и, главное, невежественных кредиторов.

Только вечером, когда на улицах засверкали газовые фонари, кандидат Зарницын заметил совершенно новое для него заведение — какой-то город Новый Китай, в котором он на своей памяти никогда не был, следовательно, ни гроша не должен, и потому, заключил он основательно, можно зайти в этот «Новый Китай», не подвергаясь ни малейшей опасности.

— Слава Богу, — сказал он, избегая по лестнице, — слава Богу, что есть еще в Петербурге места, где меня вовсе не знают!

— Дмитрий Алексеич! Батюшка Дмитрий Алексеич! Вот уж не чаял! — раздалось в ушах кандидата Зарницына в ту самую минуту, как он, довольный открытием места, где его не знают, очутился в трактире «Новый Китай».

«Ну что ж это, в самом деле! — подумал Зарницын. — День такой вышел для меня роковой, что ли? Голос-то знакомый, голос Ивана Моисеича... Да как же это?!»